

Научная статья
 Научная специальность
 12.00.09 «Уголовный процесс»

УДК 343.133

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2021.4.121>

О НЕДОПУСТИМОСТИ «ПИЛОТНЫХ» ОБВИНЕНИЙ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

© **Россинский С. Б., 2021**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

Исследовано привлечение лица в качестве обвиняемого как акт уголовного преследования, содержащий позицию государственного обвинения по уголовному делу, т. е. уголовно-правовую претензию, являющуюся предметом предстоящего судебного разбирательства. Установлено, что, исходя из предусмотренных законом оснований для привлечения лица в качестве обвиняемого, принимая во внимание доктринальные позиции, в соответствии с которыми обвинение является результатом полного, всестороннего и объективного расследования обстоятельств уголовного дела и предполагает практически абсолютную убежденность следователя в изобличении человека в совершении инкриминируемого ему преступления, данный акт уголовного преследования по общему правилу должен замыкать основную фазу предварительного следствия, являться логическим завершением совокупности процессуальных действий, направленных на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и осуществляться в преддверии передачи материалов уголовного дела для дальнейшего рассмотрения в суд. Проанализированы причины, предопределившие повсеместное распространение иной, как бы двухэтапной практики досудебного привлечения лица к уголовной ответственности, состоящей в вынесении первоначального («пилотного») и окончательного обвинений. Определено, что потребность в выдвигании и предъявлении «пилотного» обвинения в настоящее время связана лишь с вытекающим из смысла гл. 13 УПК РФ абсолютно неразумным требованием о нахождении лица в статусе обвиняемого как о правовом условии избрания в отношении него меры пресечения, что явилось следствием предпринимавших советским законодателем попыток заимствования ряда хорошо зарекомендовавших себя дореволюционных механизмов и процедур без их надлежащей адаптации к новым на тот момент реалиям уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: досудебное производство, обвинение, обвиняемый, предварительное следствие, привлечение в качестве обвиняемого, привлечение к уголовной ответственности, уголовное преследование.

ABOUT THE INADMISSIBILITY OF “PILOT” CHARGES IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN A CRIMINAL CASE

© **Rossinsky S. B., 2021**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

It investigated the involvement of a person as an accused as an act of criminal prosecution, containing the position of the state prosecution in a criminal case, that is, a criminal-legal claim, which is the subject of an upcoming trial. It is concluded that, proceeding from the grounds provided for by law for attracting a person as an accused, taking into account the doctrinal positions, in accordance with which the accusation is the result of a full, comprehensive and objective investigation of the circumstances of the criminal case and presupposes practically the absolute conviction of the investigator in exposing a person of committing the crime incriminated to him, the author comes to the conclusion that this act of criminal prosecution, as a general rule, should close the main phase of the preliminary investigation, be the logical conclusion of a set of procedural actions aimed at establishing the circumstances included in the subject of proof, and be carried out in anticipation of the transfer of the materials of the criminal case for further consideration to the court. The author analyzes the reasons that predetermined the widespread spread of another, as it were, two-stage practice of pre-trial bringing a person to criminal responsibility, consisting in the issuance of the initial (“pilot”) and final charges. It has been determined that the need for movement and the presentation of a “pilot” accusation is currently associated only with the following from the meaning of Ch. 13 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, an absolutely unreasonable requirement that a person be in the status of an accused as a legal condition for choosing a preventive measure against him, which was a consequence of attempts made by the Soviet legislator to borrow a number of well-proven pre-revolutionary mechanisms and procedures without their proper adaptation to new at that time realities of criminal court proceedings.

Keywords: pre-trial proceedings, accusation, accused, preliminary investigation, involvement as an accused, bringing to criminal responsibility, criminal prosecution.

Введение

Среди всего множества процессуальных решений, присущих деятельности органов пред-

варительного следствия, особое, как бы центральное место занимает акт привлечения лица

в качестве обвиняемого¹. Ведь, с одной стороны, в нем подводится итог всего предшествующего досудебного производства по уголовному делу и формулируется уголовно-правовая претензия («уголовный иск»), обусловленная выводами следователя об установлении (доказывании) события преступления, виновности подвергаемого уголовному преследованию лица, характера и размера причиненного вреда и других обстоятельств, вытекающих из смысла ст. 73 УПК РФ² и предопределенных известной древнеримской семичленной формулой познания юридически значимых фактов: *Quis? Quid? Ubi? Quibus auxiliis? Cur? Quomodo? Quando?* (Кто? Что? Где? С чьей помощью? Для чего? Каким образом? Когда?). С другой стороны, данный правоприменительный акт порождает комплекс важнейших двусторонних правоотношений между основными «игроками на уголовно-процессуальном поле», основными уголовно-процессуальными соперниками – осуществляющим публичное уголовное преследование государством и подвергаемой уголовному преследованию личностью, для чего эта личность наделяется статусом обвиняемого, предполагающим существенные правовые возможности (права обвиняемого) и необходимые юридические гарантии для их продуктивного использования. И таким образом, привлечение в качестве обвиняемого является наивысшей, кульминационной точкой предварительного следствия – оно выражает сам смысл, само предназначение всего досудебного производства и детерминировано достижением основной цели данного этапа уголовно-процессуальной деятельности, которая, собственно говоря, и состоит в обеспечении возможности формирования позиции государственного обвинения (уголовно-правовой претензии, «уголовного иска») как предмета предстоящего судебного разбирательства [11, с. 18].

¹ В этой связи сразу необходимо обратить внимание, что вообще уголовно-процессуальная категория «привлечение в качестве обвиняемого» предполагает широкое и узкое толкования. Так, под привлечением в качестве обвиняемого в широком смысле надлежит понимать юрисдикционную (следственную) процедуру, которая заключается в выдвижении от имени государства в отношении строго определенного лица уголовно-правовой претензии (обвинения) и последующем производстве комплекса процессуальных действий, обусловленных этой претензией (гл. 23 УПК РФ). Тогда как узкое значение категории «привлечение в качестве обвиняемого» ограничивается лишь изданием самого правоприменительного следственного акта (постановления о привлечении в качестве обвиняемого), содержащего указанную уголовно-правовую претензию (обвинение) и вводящего лицо в особое юридическое состояние (в процессуальный статус) обвиняемого (ст. 171 УПК РФ). Именно с подобным узким значением категории «привлечение в качестве обвиняемого» и связаны проблемы, ставшие предметом настоящей статьи.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

Результаты исследования

Значение привлечения в качестве обвиняемого как кульминационной точки предварительного следствия прямо вытекает из содержания ч. 1 ст. 171 УПК РФ. По смыслу закона следователю надлежит вынести соответствующий публично-правовой распорядительный акт государственно-властного характера – постановление о привлечении в качестве обвиняемого – при наличии достаточной совокупности доказательств, свидетельствующих о совершении лицом определенного преступления. Иными словами, подобная совокупность доказательств должна предопределять практически абсолютную убежденность следователя в изобличении человека в совершении некоего инкриминируемого ему преступления. На это обстоятельство уже неоднократно обращали внимание ученые-процессуалисты, посвятившие свои публикации проблемам уголовного преследования в целом и привлечения в качестве обвиняемого в частности. Так, М. С. Строгович писал о надлежащем обосновании предъявляемого обвинения, о его обязательной предопределенности совокупностью веских и должным образом проверенных доказательств как о неременном условии публичного уголовного преследования. Одновременно автор говорил о недопустимости формулирования и выдвижения обвинительного тезиса на основе догадок, предположений, сомнительных или в недостаточной степени проверенных данных [15, с. 120]. Другой известный ученый – Н. Н. Полянский – ставил возможность привлечения в качестве обвиняемого в зависимость от безоговорочной уверенности следователя в отсутствии законопослушности в поведении соответствующего представителя советского общества [10, с. 186]. В свою очередь, Л. М. Карнеева фактически связывала момент вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого с двумя условиями: 1) с убежденностью следователя в согласованности и непротиворечивости имеющихся доказательств, подтверждающих вывод о совершении лицом преступления; 2) с устранением любых возникающих по этому поводу сомнений [6, с. 128]. Эту же точку зрения высказывали и многие другие специалисты [3, с. 78; 17, с. 258 и др.]. Кстати, схожие позиции можно встретить и в решениях Конституционного Суда РФ. Например, в Определении от 21 декабря 2006 г. № 589-О по делу В. К. Чирьева³, в свое время оспорившего конституционность ч. 2 ст. 171 УПК РФ, Суд обратил внимание на недопустимость при-

³ Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2006 г. № 589-О по делу В. К. Чирьева // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

влечения в качестве обвиняемого в случаях, не предполагающих подтверждение инкриминированного лицу деяния достаточной совокупностью доказательств.

В этой связи необходимо обратить внимание, что заложенная в основу выдвигаемой следователем уголовно-правовой претензии убежденность в изобличении человека в совершении некоего преступления не предполагает юридическое признание виновности данного лица, а акт привлечения в качестве обвиняемого не детерминирует юридических последствий, тождественных последствиям, вытекающим из обвинительного приговора суда. Указанный следственный акт является не более чем актом досудебного привлечения к уголовной ответственности¹, имеет сугубо предварительный характер, а изложенный в нем обвинительный тезис содержит лишь обоснованную позицию одной из сторон предстоящего судебного спора.

Вместе с тем, принимая данное решение, следователь как носитель публично-правовой власти, как полномочный субъект уголовной юрисдикции должен быть абсолютно уверен в неоспоримости и доказанности выдвинутой им уголовно-правовой претензии, т. е. в дальнейшей судебной перспективе уголовного дела с позитивным для стороны обвинения исходом. В противном случае нарушается один из концептуальных принципов уголовного судопроизводства – презумпция невиновности, а именно предписание о толковании всех неустранимых сомнений в виновности в пользу обвиняемого (ч. 3 ст. 14 УПК РФ). И таким образом, следственные акты о привлечении в качестве обвиняемых, содержащие сомнительные, «натянутые» позиции, не продиктованные абсолютной внутренней непоколебимостью их авторов в своей правоте, т. е. не обусловленные достаточной совокупностью доказательств, надлежит расценивать как незаконные либо просто преждевременные.

Поэтому законодатель не устанавливает и не может устанавливать (!) никаких четких сроков для вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. А выбор наиболее подходящего для этого времени находится в

зоне дискреционных полномочий и сфере процессуальной самостоятельности следователя (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Он обуславливается лишь предопределенным принципом свободы оценки доказательств внутренним убеждением, базируется на совокупности всех имеющихся в уголовном деле доказательств, доброкачественность, убедительность и достаточность которых определяется на основании закона, совести, а по факту – и других полезных свойств личности современного правоприменителя: правосознания, правопонимания, профессионального и жизненного опыта, нравственности, профессиональной ответственности и т. д. [13, с. 100]. Следовательно, акт привлечения лица к уголовной ответственности не может быть ни преждевременным, ни запоздалым и подлежит изданию именно тогда, когда этого требует сложившаяся по делу следственная ситуация, не раньше и не позже. Поспешность вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, как уже отмечалось выше, приводит к его необоснованности, к формированию содержащегося в нем обвинительного тезиса в условиях недостаточной убежденности в доказанности всех имеющих значение для дела обстоятельств и изобличении человека в совершении инкриминируемого ему преступления. Преждевременное обвинение – справедливо писала Л. М. Карнеева – является результатом формального отношения к требованиям закона, неумения правильно определить основания, достаточные для привлечения в качестве обвиняемого [5, с. 46]. Близкую позицию в свое время высказал и Конституционный Суд РФ в Определении от 21 декабря 2004 г. № 467-О по делу П. Е. Пятничука². В свою очередь, необоснованное затягивание сроков привлечения к уголовной ответственности весьма негативно отражается на правовом положении соответствующего лица (как бы потенциального обвиняемого), в первую очередь лишает его возможности знать о содержании, возражать и давать показания по существу уже фактически сформулированной, но надлежащим образом не оформленной и не предъявленной уголовно-правовой претензии. К слову, та же Л. М. Карнеева среди наиболее распространенных причин затягивания сроков вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого называла стремление недобросовестного следователя не допустить активного участия этого лица в ходе предварительного расследования [Там же, с. 46].

¹ Автор настоящей статьи всегда придерживался позиции, в соответствии с которой привлечение к уголовной ответственности надлежит разграничивать с признанием лица виновным в судебном порядке и назначением ему уголовного наказания. По мнению автора, акт привлечения к уголовной ответственности имеет сугубо предварительный характер и подразумевает не судебное, а досудебное применение положений уголовного закона, т. е. не признание лица виновным, а лишь выдвижение в отношении него уголовно-правовой претензии («уголовного иска»), подлежащей рассмотрению и разрешению по существу в ходе дальнейшего судебного разбирательства. Аналогичные или близкие взгляды можно встретить и в работах других ученых [4, с. 5–6; 18, с. 251 и др.].

² Определение Конституционного Суд РФ от 21 дек. 2004 г. № 467-О по делу П. Е. Пятничука // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

Из всего сказанного закономерно вытекает вполне понятный и однозначный вывод: привлечение в качестве обвиняемого по общему правилу должно замыкать основную, т. е. собственно «расследовательскую», фазу предварительного следствия, являться логическим завершением совокупности следственных (иных процессуальных) действий, направленных на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и осуществляться в преддверии передачи материалов уголовного дела для дальнейшего рассмотрения в суд. Поэтому постановление о привлечении в качестве обвиняемого, ознаменовывающее достижение основной цели досудебного производства, надлежит выносить непосредственно перед началом финальной части предварительного следствия, предусмотренной гл. 30–31 УПК РФ. А вся дальнейшая процессуальная деятельность (уведомление заинтересованных лиц об окончании предварительного следствия, их ознакомление с материалами уголовного дела, разрешение поступивших ходатайств, составление обвинительного заключения и т. д.) уже не имеет «расследовательской», т. е. познавательной, направленности и сводится к обеспечению прав обвиняемого, других участников уголовного судопроизводства, к надлежащему юридическому завершению предварительного расследования, оформлению его результатов и т. д.

Правда, несмотря на всю очевидность данного доктринального постулата, он имеет известную степень условности и в реальной правоприменительной практике может применяться с некоторыми оговорками. В частности, подобный тезис, имея как бы общий, базовый характер, ориентируется на самые простые дела, подразумевающие уголовное преследование лишь одного обвиняемого. Тогда как в ходе предварительного расследования более сложных уголовных дел о групповых преступлениях вполне могут складываться ситуации, не предполагающие единовременное осознание следователем оснований для привлечения к уголовной ответственности всех «фигурантов», – в какой-то момент следователь убеждается в необходимости вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого лишь в отношении одного или нескольких лиц, тогда как в отношении остальных такая уверенность еще отсутствует.

Кроме того, указанный постулат не учитывает и сложную процедуру привлечения в качестве обвиняемого (привлечения в качестве обвиняемого в широком смысле), наряду с вынесением постановления включающую предъявление обвинения и допрос обвиняемого (ст. 172–174 УПК РФ). Подобные механизмы предполагают

возможность обвиняемого возразить против содержания выдвинутой уголовно-правовой претензии, сообщить какие-либо новые сведения, заявить ходатайство и т. д., что иногда приводит к объективной необходимости расследования дополнительных обстоятельств и последующего вынесения нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого (перепредъявления обвинения в новой редакции) в порядке ч. 1 ст. 175 УПК РФ либо частичного прекращения уголовного преследования в порядке ч. 2 ст. 157 УПК РФ. Потребность в расследовании дополнительных обстоятельств, изменении и дополнении первоначального обвинения может быть вызвана и результатами процессуальных действий, проведенных в отношении других обвиняемых, сообщенными ими сведениями, заявленными ими ходатайствами и т. д.

Однако представляется, что все подобные обстоятельства никоим образом не могут поколебать или поставить под сомнение общую позицию о привлечении в качестве обвиняемого как о заключительном процессуальном акте «расследовательской» фазы досудебного производства, подлежащем вынесению непосредственно перед началом процедуры завершения предварительного расследования с обвинительным заключением. А предопределенные такими обстоятельствами особенности всего лишь придают базовому механизму досудебного привлечения лица к уголовной ответственности определенные оттенки, приводят к возникновению ряда специфических процессуальных алгоритмов и прикладных технологий, обладающих той или иной степенью вариативности. Ведь никакие особые условия или тому подобные причины не могут лишить акт привлечения в качестве обвиняемого его подлинного правового смысла, т. е. разорвать его взаимосвязь с предназначением всего досудебного производства в целом и предварительного расследования в частности. По крайней мере, закон не предусматривает никаких специальных правовых гипотез, допускающих возможность досудебного привлечения к уголовной ответственности без достаточной совокупности доказательств, обуславливающих убежденность следователя в изобличении человека в совершении инкриминируемого ему преступления. Поэтому любое решение о привлечении в качестве обвиняемого по смыслу закона изначально должно сопровождаться уверенностью автора (следователя) о выполнении всех возможных следственных (иных процессуальных) действий и завершении «расследовательского» этапа досудебного производства, по крайней мере в части уголовного преследования соответствующего лица, а также его предвари-

тельным оптимистическим расчетом, надеждой на отсутствие необходимости дальнейшего производства дополнительного расследования и перепредъявления обвинения.

Вместе с тем в реальной правоприменительной практике укоренился принципиально иной подход к досудебному привлечению лиц к уголовной ответственности. Для современных следователей уже вошла в привычку, стала восприниматься как обыденность существующая не один десяток лет прикладная технология, состоящая в двухэтапном и растянутом на достаточно длительный срок механизме привлечения в качестве обвиняемого. Сначала в отношении лица формулируется так называемое первоначальное («пилотное») обвинение, как правило, основанное на результатах ряда безотлагательных следственных и иных процессуальных действий. А затем, уже в завершение предварительного следствия, формулируется окончательное обвинение (обвинение в окончательной редакции), опирающееся на итоги полноценно, всесторонне и объективно проведенного расследования, обоснованное достаточной совокупностью доказательств и обусловленное убежденностью следователя в изобличении лица в совершении преступления. Причем в качестве нормативной основы данной прикладной технологии в настоящее время используется все та же ч. 1 ст. 175 УПК РФ, которая, как уже отмечалось выше, допускает возможность повторного вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, содержащего новую редакцию прежнего обвинения. И в этой связи весьма примечательно, что некоторые ученые-процессуалисты тоже пишут об указанной технологии как о чем-то очевидном, естественном, само собой разумеющемся, не вызывающем и тени сомнения [3, с. 81; 8, с. 137 и др.].

Нетрудно заметить, что в подобном двухэтапном механизме подлинный смысл привлечения в качестве обвиняемого, состоящий в выдвижении в отношении лица уголовно-правовой претензии («уголовного иска») как предмета предстоящего судебного разбирательства, присущ лишь второму этапу, т. е. формулированию окончательного обвинения (обвинения в окончательной редакции). Тогда как фактически набросанное на «скорую руку», первоначальное обвинение является не более чем выдвинутой в определенный момент досудебного производства предварительной следственной версией, обуславливающей необходимость дальнейшего расследования в целях более полного установления (доказывания) всех обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Иными словами, «пилотное» обвинение является никаким

не обвинением, а не чем иным, как типичным подозрением какого-либо лица в совершении некоего преступления.

Так, несмотря на отсутствие в УПК РФ легальной дефиниции подозрения, под ним (подозрением) в уголовно-процессуальной доктрине обычно понимают выдвинутую органами дознания или предварительного следствия в отношении конкретного лица первоначальную либо промежуточную версию о совершении этим лицом преступления, не подтвержденную достаточным количеством доказательств, дающих основания для формулирования обвинения [2, с. 14; 12, с. 62; 16, с. 22–23 и др.]. Именно к такой, еще не подкрепленной надлежащей совокупностью доказательств следственной версии как раз и сводится «пилотное» обвинение.

В этой связи закономерно возникает вопрос: что заставляет практических работников использовать указанную двухэтапную практическую технологию привлечения в качестве обвиняемого, а ученых-процессуалистов писать о ней как о чем-то очевидном, естественном, само собой разумеющемся? Тем более что подобный алгоритм сильно перегружает уголовный процесс, поскольку предполагает необходимость двукратного выполнения по сути одной и той же работы.

Как это ни прискорбно, но ответ на данный вопрос является более чем тривиальным. Правоприменительная практика в этой части в очередной раз страдает из-за непродуманности уголовно-процессуального законодательства, несогласованности различных положений закона.

Например, в советском уголовном процессе акт привлечения лица в качестве обвиняемого долгое время являлся единственной правовой возможностью допустить в уголовное дело защитника до окончания предварительного следствия (ч. 1 ст. 47 УПК РСФСР¹). Однако действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ ввиду понятных причин уже не ставит участие защитника в зависимость от досудебного привлечения человека к уголовной ответственности; в соответствии с ч. 1 ст. 16 УПК РФ право на защитника предоставлено не только обвиняемому, но и подозреваемому, а согласно ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник вправе вступить в уголовное дело с любого момента, предполагающего возбуждение уголовного преследования в отношении конкретного лица.

Поэтому в настоящее время потребность в выдвижении и предъявлении «пилотного» обвинения связана лишь с вытекающим из смысла гл. 13 УПК РФ абсолютно неразумным требова-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 окт. 1960 г.) // Свод законов РСФСР. 1960. Т. 8. С. 613.

нием о нахождении лица в статусе обвиняемого как о правовом условии избрания в отношении него меры пресечения. Наиболее наглядно эта потребность проявляется в случае задержания подозреваемого с перспективой его дальнейшего заключения под стражу или под домашний арест. Ввиду весьма лимитированного 48-часового срока ограничения свободы подозреваемого без судебного решения (из которого надо еще исключить время, потраченное на доставление задержанного к следователю, а также 8-часовой срок, предусмотрительно «зарезервированный» законодателем для проведения самого судебного заседания) следователю надлежит произвести все необходимые следственные и иные процессуальные действия, по результатам которых сформулировать и предъявить первоначальное обвинение в очень сжатый промежуток времени – немногим более суток.

В принципе в распоряжении следователя имеется и другой вариант решения проблемы – применение меры пресечения к подозреваемому в порядке ст. 100 УПК РФ. Однако по смыслу закона подобную возможность следует расценивать как исключение из общего правила, прибегая к ней в наиболее сложных ситуациях (например, при большом количестве задержанных, ввиду удаленности суда от места проведения первоначального этапа расследования, при наличии иных необычных обстоятельств). Особенности применения меры пресечения в отношении подозреваемого – справедливо пишет Л. В. Головкин – только подчеркивают общее правило, в соответствии с которым в обычных ситуациях для избрания меры пресечения надлежит сперва предъявить обвинение [7, с. 536–537]. Тем более что установленный ст. 100 УПК РФ процессуальный режим не является постоянным, а действует достаточно непродолжительное время (10 или 30 суток, которые на практике в случае предварительного задержания подозреваемого превращаются в соответственно 8 или 28 суток), т. е. всего лишь представляет следователю некоторую отсрочку, вместе с тем не исключаящую обязанность сформулировать и предъявить «пилотное» обвинение.

В одной из прежних публикаций автора настоящей статьи уже отмечалось, что коллизия между положениями закона, регламентирующими правовые условия привлечения в качестве обвиняемого и избрания мер пресечения, имеет достаточно длительную историю развития. А ее возникновение было связано с предпринимаемыми советским законодателем попытками заимствования ряда хорошо зарекомендовавших себя дореволюционных механизмов и процедур без их надлежащей адаптации к новым на тот

момент реалиям уголовного судопроизводства. В частности, правовая гипотеза, предполагающая возможность избрания меры пресечения только в отношении обвиняемого, была установлена еще в Своде законов Российской империи Николая I (т. 15, ч. 2, ст. 132–133), откуда плавно перекочевала в ст. 416 Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. и далее была заимствована советским правом. Однако разработчики советских уголовно-процессуальных кодексов, а вслед за ними – и действующего УПК РФ, почему-то не учитывали одного существенного нюанса: дореволюционный законодатель просто не наделял категорию «обвиняемый» такой же степенью правовой определенности, какой она стала наделяться в советском, а затем в российском уголовном процессе. Дореволюционный обвиняемый существовал в достаточно свободном правовом режиме. Под ним понимался некий субъект, в отношении которого осуществлялось предварительное следствие в целях установления его причастности к преступлению. А его появление в уголовном деле не предопределялось изданием специального следственного акта. Иными словами, дореволюционный обвиняемый более напоминал сегодняшнего подозреваемого, тогда как самим подозреваемым признавалось лицо, еще не попавшее в сферу компетенции судебного следователя и находившееся в ведении полиции [14, с. 35].

Вполне очевидно, что далеко не все юридические конструкции, определяющие правовой режим участия обвиняемого в дореволюционном уголовном процессе, могут быть применимы к современному статусу обвиняемого. В частности, положение, устанавливающее возможность избрания меры пресечения, как правило, в отношении обвиняемого, на сегодняшний день не имеет никакого позитивного смысла, не создает никаких дополнительных юридических гарантий, не предопределяет никаких иных благоприятных для стороны защиты результатов. Вместе с тем негативные последствия данного положения вполне очевидны – в настоящее время именно они предопределяют неверную, противоречащую самому смыслу досудебного производства следственную практику, состоящую в двухэтапной технологии привлечения лица в качестве обвиняемого; именно они приводят к необходимости выдвижения изначально необоснованных и (или) преждевременных «пилотных» обвинений. И в этой связи автор настоящей статьи ранее уже предлагал несколько пересмотреть правовой режим избрания мер пресечения, а именно предусмотреть возможность их применения к подозреваемому не в ис-

ключительных случаях и не в особом порядке, предусмотренном ст. 100 УПК РФ, а на общих основаниях [14, с. 36]. Кстати, весьма примечательно, что Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 19 декабря 2013 г. № 41¹, давая разъяснения по вопросам заключения под стражу, обращает внимание, что избрание этой меры пресечения допускается только после проверки судом обоснованности именно подозрения (!) в причастности лица к совершенному преступлению, а не его обвинения. Более того, действующий УПК РФ вообще не предусматривает какой-то существенной разницы между статусами подозреваемого и обвиняемого [1, с. 10], если, конечно, не принимать в расчет тех прав обвиняемого, которые подлежат реализации на этапе окончания досудебного производства или в судебных стадиях и, таким образом, применительно к подозреваемому не имеют никакого смысла.

Выводы и заключения

Завершая настоящую статью, хочется еще раз обратить внимание на всю противоестественность и искусственность используемых на практике «пилотных» обвинений, не основанных на результатах полноценного, всестороннего и объективно проведенного расследования, не подтвержденных достаточной совокупностью доказательств, не обусловленных убежденностью следователя в изобличении лица в совершении инкриминируемого ему преступления. По общему правилу акт привлечения в качестве обвиняемого может быть только один – окончательный, замыкающий собственно «расследовательскую» фазу досудебного производства, являющийся ее логическим завершением и подлежащий вынесению непосредственно перед началом предусмотренной гл. 30–31 УПК РФ финальной части предварительного следствия, т. е. в преддверии передачи материалов уголовного дела с обвинительным заключением для дальнейшего рассмотрения в суд. А предусмотренный ч. 1 ст. 175 УПК РФ порядок изменения или дополнения обвинения вовсе не предполагает сплошного, безразборного использования по всем уголовным делам, находящимся в производстве органов предварительного следствия. По смыслу закона такой механизм имеет сугубо исключительный характер и может оказаться достаточно востребованным или даже необходимым лишь при наличии каких-то особых обстоятельств, не свойственных большинству дру-

гих уголовных дел и связанных с потребностью расследования дополнительных обстоятельств, ставших известными в процессе предъявления обвинения или позднее.

Таким образом, процессуальный порядок привлечения в качестве обвиняемого в ходе предварительного следствия должен отчасти напоминать механизмы, в настоящее время присутствующие во второй форме предварительного расследования – дознанию, где лицо вплоть до окончания досудебного производства пребывает в статусе подозреваемого, приобретаемого в том числе посредством направления специального уведомления о подозрении в совершении преступления (ст. 223.1 УПК РФ), а уголовно-правовая претензия («уголовный иск») формулируется лишь на завершающем этапе и находит отражение в обвинительном акте. Кстати, в этой связи некоторые современные ученые предлагают вообще отказаться от следственных процедур привлечения в качестве обвиняемого, полностью заменив их механизмами, используемыми в части дознания, т. е. по факту устранить последние различия между пока еще существующими формами предварительного расследования [1, с. 10; 9, с. 137 и др.]. Однако указанные вопросы требуют проведения самостоятельного исследования, связанного с рассмотрением проблем привлечения в качестве обвиняемого в несколько ином ракурсе, чему автор настоящей статьи планирует уделить внимание в последующих публикациях. 52

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилов Б. Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2021. № 6. С. 7–14.
2. Трибунов О. П., Степанова В. Г. Обоснованность подозрения как гарантия законности ограничения прав и свобод граждан при применении мер принуждения в уголовном судопроизводстве // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 5. С. 13–18.
3. Еникеев З. Д. Уголовное преследование: учеб. пособие. Уфа: БашГУ, 2000. 132 с.
4. Ефремова Н. П., Кальницкий В. В. Привлечение в качестве обвиняемого: учеб.-практ. пособие. Омск: ОМА МВД России, 2007. 107 с.
5. Карнеева Л. М. Привлечение в качестве обвиняемого: метод. пособие. М.: Юрид. лит., 1962. 96 с.
6. Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М.: Юрид. лит., 1971. 136 с.
7. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М.: Статут, 2016. 1276 с.
8. Мазюк Р. В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2009. 216 с.
9. Наумов К. А. Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Омск: Сибирский юридический университет, 2021. 209 с.
10. Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М.: Изд-во Московского университета, 1956. 271 с.

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 дек. 2013 г. № 41 (ред. от 11.06.2020) // *ВС РФ*. 2014. № 2.

11. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М.: Норма, 2021. 408 с.

12. Россинский С. Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход. М.: Проспект, 2019. 192 с.

13. Россинский С. Б. Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 10. С. 93–100.

14. Россинский С. Б. Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 30–36.

15. Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 191 с.

16. Татьяна Л. Г., Бычкова К. Г. Место подозрения в уголовном судопроизводстве (дискуссионные вопросы) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 83. С. 21–23.

17. Якимович Ю. К., Пан Т. Д. Досудебное производство по УПК Российской Федерации. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 297 с.

18. Якубович Н. А. Обвинение и его обоснованность на предварительном следствии // Актуальные проблемы совершенствования деятельности органов внутренних дел в новых экономических и социальных условиях: сб. науч. трудов. М.: ЮИ МВД России, 1997. С. 250–253.

REFERENCES

1. Gavrilov B.Ya. НКН let rossijskomu ugolovno-procesual'nomu za-konu: sootvetstvuet li on nauchnym vozzreniyam i trebovaniyam pravoprime-nitelya [XX years of the Russian criminal procedural law: does it correspond to the scientific views and requirements of the law enforcer]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2021, no. 6, pp. 7-14. (in Russian).

2. Gribunov O.P., Stepanova V.G. Obosnovannost' podozreniya kak ga-rantiya zakonnosti ograniceniya prav i svobod grazhdan pri primeneni mer prinuzhdeniya v ugolovnom sudoproizvodstve [Justification of suspicion as a guarantee of the legality of restricting the rights and freedoms of citizens when applying coercive measures in criminal proceedings]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2018, no. 5, pp. 13-18. (in Russian).

3. Enikeev Z.D. *Ugolovnoe presledovanie: ucheb. posobie* [Criminal prosecution: textbook. allowance]. Ufa, BashGU Publ., 2000. 132 p. (in Russian).

4. Efremova N.P., Kalnitsky V.V. *Privlechenie v kachestve obvinyae-mogo: ucheb.-prakt. posobie* [Involvement as the accused: textbook-practical. allowance]. Omsk, OMA of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007, 107 p. (in Russian).

5. Karneeva L.M. *Privlechenie v kachestve obvinyaemogo: metod. posobie* [Bringing the accused: method. handbook]. Moscow, Jurid. lit. Publ., 1962, 96 p. (in Russian).

6. Karneeva L.M. *Privlechenie k ugolovnoj otvetstvennosti. Zakon-nost' i obosnovannost'* [Criminal proceedings. Legality and validity]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1971, 136 p. (in Russian).

7. *Kurs ugolovnogo processa* [Course of criminal procedure, ed. L.V. Golovko]. Moscow, Statut Publ., 2016, 1276 p. (in Russian).

8. Mazyuk R.V. *Institut ugolovnogo presledovaniya v rossijskom ugo-lovnom sudoproizvodstve* [Institute of Criminal Prosecution in Russian Criminal Proceedings]. Moscow, Jurlitinform Publ., 2009. 216 p. (in Russian).

9. Naumov K.A. *Sushchnost' i postroenie dosudebnogo proizvodstva v ugolovnom processe Rossii* [The essence and construction of pre-trial proceedings in the criminal process of Russia. Cand. sci. diss. abstr.]. Omsk, Siberian Law University Publ., 2021. 209 p. (in Russian).

10. Polyansky N.N. *Voprosy teorii sovetskogo ugolovnogo processa* [Questions of the theory of the Soviet criminal procedure]. Moscow, Publishing house of Moscow University, 1956, 271 p. (in Russian).

11. Rossinsky S.B. *Dosudebnoe proizvodstvo po ugolovnomu delu: sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv* [Pre-trial proceedings in a criminal case: the essence and methods of collecting evidence]. Moscow, Norma Publ., 2021. 408 p. (in Russian).

12. Rossinsky S.B. *Zaderzhanie podozrevaemogo: konstitution-no-mezhotraslevoj podhod* [Detention of a Suspect: A Constitutional Cross-Sectoral Approach]. Moscow, Prospect Publ., 2019, 192 p. (in Russian).

13. Rossinsky S.B. Kakim dolzhen byt' rossijskij sledovatel'? (k 25-letiyu Konceptii sudebnoj reformy RSFSR) [What should a Russian investigator be like? (to the 25th anniversary of the Concept of judicial reform of the RSFSR)]. *Zakony Rossii: opyt, analiza, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2016, no. 10, pp. 93-100. (in Russian).

14. Rossinsky S.B. Pravovye usloviya primeneniya mer ugolovno-procesual'nogo presecheniya privodyat k pospeshnosti i neobosnovannosti obvineniya [Legal conditions for the application of measures of criminal procedural restraint lead to haste and groundlessness of the accusation]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2018, no. 5, pp. 30-36. (in Russian).

15. Strogovich M.S. *Ugolovnoe presledovanie v sovetskom ugolovnom processe* [Criminal prosecution in the Soviet criminal process]. Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1951, 191 p. (in Russian).

16. Tatyana L.G., Bychkova K.G. Mesto podozreniya v ugolovnom sudo-proizvodstve (diskussionnye voprosy) [Place of suspicion in criminal proceedings (debatable issues)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudar-stvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University]. 2008, no. 83, pp. 21-23. (in Russian).

17. Yakimovich Yu.K., Pan T.D. *Dosudebnoe proizvodstvo po UPK Ros-sijskoj Federacii* [Pre-trial proceedings under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. Saint Petersburg, Legal Center Press, 2003. 297 p. (in Russian).

18. Yakubovich N.A. *Obvinenie i ego obosnovannost' na pred-varitel'-nom sledstvii* [The accusation and its validity during the preliminary investigation]. *Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya deyatel'nosti or-ganov vnutrennih del v novyh ekonomicheskikh i social'nykh usloviyah: sb. nauch. trudov* [Actual problems of improving the activities of internal affairs bodies in the new economic and social conditions: collection of articles. scientific. works]. Moscow, Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1997, pp. 250-253. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 07.07.2021; одобрена после рецензирования 13.09.2021; принята к публикации 01.12.2021

Received on 07.07.2021; approved on 13.09.2021; accepted for publication on 01.12.2021

Россинский Сергей Борисович – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права Российской академии наук (Россия, 119019, г. Москва, ул. Знаменка, 10), ORCID: 0000-0002-3862-3188, e-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Rossinsky Sergey Borisovich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor Chief Researcher of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (10, Znamenka st., Moscow, 119019, Russian Federation), ORCID: 0000-0002-3862-3188, e-mail: s.rossinskiy@gmail.com